

16+

Ирина Винокурова

Тайна шести браслетов

Роман

Ирина Винокурова
Тайна шести браслетов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Винокурова И. В.

Тайна шести браслетов / И. В. Винокурова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сюжет романа разворачивается в небольшом селении, в котором появляются сектанты. Жестокий кровавый обряд жертвоприношения разрушает привычный уклад жизни. Герои по роковой воле случая оказываются далеко друг от друга. Но в день трагедии они узнают о родовом предании. Жизнь героев проходит в невероятных, порой опасных приключениях. Любовные перипетии также захватят их в свои сети. И только в конце долгой тяжелой дороги им откроется истинное назначение родового предания и тайна шести браслетов. Магия, ритуалы, колдовство, обряды, приключения, которыми пронизан сюжет романа, способны увлечь любого неискущённого читателя.

© Винокурова И. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Звон колокола

Осень в этот год холодной поступью шагнула на землю. С первых сентябрьских дней подул северный ветер. Почти каждое утро начиналось с морозящего дождя. Природа тихо плакала, предчувствуя что-то холодное и чуждое. Птицы, потеряв надежду на возвращение тёплых дней, торопливо собирались в стаи, готовясь к раннему отлёту в тёплые края. Но, ближе к октябрю природа всё ж сжалилась, и запоздалое бабье лето заявило о себе. На небе вновь засияло солнце, согревая своими лучами успевшую остыть землю и радуя загрустивших воробьёв и местную детвору, которая с радостью скинув с себя тёплые куртки, ринулась на улицу.

Тихое утро в тот день не предвещало беды. Распахнув дверь, в дом, подобно урагану, вбежали Адель и Бернадетта. Запыхавшись, они принялись с жадностью пить воду.

– Там, там, – оторвавшись на секунду от кружки с водой, произнесла Бернадетта и опять уткнулась в кружку.

– Мама, а правду говорят, что на старой колокольне приведения живут? – напившись первой, спросила Адель.

Она была старшей из сестёр, и старалась во всём походить на взрослых в свои недавно исполнившиеся девять лет.

Мать девочек – Нина Ивановна, отложила шитьё в сторону и, взглянув на дочерей, невольно рассмеялась.

– Какие еще приведения? – спросила она, а потом, немного подумав, добавила, – Сказки все это!

Услышав шум, из соседней комнаты вышел отец, где он занимался починкой мебели. Деревня, в которой они жили, была многочисленной, но мастерских по ремонту мебели в ней отродясь не бывало. А в город ехать из-за такой пустяшной работы смысла не было. И потому каждый мужчина в доме, сызмальства осваивал столярное дело. Взглянув на дочерей, Миленций – отец девочек, удивлённо развёл руками и, улыбаясь, вымолвил:

– Ого! Какие вы раскрасневшиеся и разгорячённые! Гонялись что ли за кем? – спросил он их.

– Там, там такое! – оторвавшись от кружки с водой, воскликнула Бернадетта и опять уткнулась в кружку.

Глядя на возбужденных дочерей, отец с матерью рассмеялись.

– Да что там все-таки такое? – спросил отец.

– Там звонит колокол! – быстро произнесла Адель и так же, как и Бернадетта уткнулась опять в кружку с водой.

– Какой еще колокол? – не понял отец, – Что на старой колокольне?

– Угу! – с умным видом подтвердила Адель и, напившись вдоволь, продолжила, поставив кружку на стол: – Все наши соседи побежали туда.

– Расскажи все по порядку, – заинтересовавшись её словами, попросил отец, – что там произошло?

Адель подошла ближе к отцу и, опустившись на табурет, принялась эмоционально жестикулируя с умным видом пересказывать произошедшее.

– Мы с Берной гуляли у пруда, тритончиков ловили, – начала она, – Берна там еще чуть в грязь не шлепнулась.

– Что ты ябедничаешь? – подойдя ближе, влезла в разговор обиженная младшая сестра.

– Я не ябедничаю, – взглянув на неё, пояснила Адель, – а рассказываю все по порядку.

Берна рассержено топнула ногой и отошла опять в сторону, исподлобья недовольно поглядывая на сестру.

– Не ругайтесь, – сердито пригрозил отец, – рассказывай дальше, дочка.

– Ну вот, я и говорю, – продолжила довольная Адель, искоса взглянув на Берну, – мы тритончиков ловили, как вдруг все тритоны испугались и стали прыгать опять в воду. Тут я слышу, что там что-то звонит.

– Не что-то, а колокол, – с умным видом громко и многозначительно, поправила сестру четырёхлетняя Бернадетта.

– Папа, она мне опять мешает говорить, – обиженно процедила Адель.

– Да хватит вам ругаться, рассказывайте хоть кто-нибудь дальше, – теряя терпение произнёс отец.

Довольная Бернадетта подбежала вновь ближе к отцу и, опередив Адель, быстро заговорила:

– А потом, мы поднялись с Адель, и помчались к старой колокольне, – громко и торжественно выпалила она, – а там, колокол сам звонит, и никого нет! После, туда все соседи пришли, а мы домой – вам рассказать.

Закончив, Бернадетта вопросительно посмотрела на Адель, ожидая порицания старшей сестры. Но та, улыбнувшись, лишь добавила:

– Так всё и было.

Раскрыв окно и прислушавшись, Нина Ивановна повернулась к мужу:

– Послушай, Милентий, а колокол и вправду звонит, да вон и бабка Агафья побежала в ту сторону. Пойдем и мы посмотрим, что там такое происходит.

Выйдя на край деревни, они увидели почти всех жителей, толпившихся у старой колокольни. Все собравшиеся стояли тихо и испуганно смотрели вверх – туда, откуда доносился звон колокол.

Церквушки, даже самой малой, ни в их деревни, ни в соседних деревнях не было. Стояла только одна старая, заброшенная колокольня. И та была очень ветхой, почти разрушенной. Когда и кем была построена, даже самые древние старожилы не могли сказать. На этот счёт у них был один ответ: «Сколько себя помню, так и стояла она заброшенной и наполовину разрушенной». О ремонте и восстановлении никто и речи не заводил. «Других дел хватает, не до колокольни» – отмахивались местные чиновники и, не обращая на неё внимания, продолжали жить дальше. Мальчишки и те, не решались лазить по ней.

На самом верху колокольни висел древний, выдавший не одно поколение жителей, колокол. Иногда, от сильного ветра, не защищённый ни с одной стороны, он начинал раскачиваться и издавать тихий стонущий скрипучий звон. Но такое происходило лишь в дни сильного ненастья, сопровождаемого порывистым ветром. В это же утро погода была тихой и солнечной. На дворе стояли последние дни запоздалого бабьего лета. Легкие дуновения ветерка были чуть ощутимы и никак не могли привести в движение тяжелый колокол. Подняться снизу и раскачивать его за веревку, было так же не возможно – ступени давно развалились, а другого подъема вверх не было. Колокол раскачивался сам по себе.

– Что это? – обернувшись к мужу, удивлённо спросила Нина Ивановна.

– Сам не пойму, что за черт его качает, – пристально вглядываясь вглубь колокольни, ответил тот.

– Во-во, – влезла, в разговор бабка Нюра, – черт то его и качает, а мож и сам сатана объявился. Чур, меня!

Бабка Нюра поправила платок на голове и принялась усердно креститься, тихо бормоча себе что-то под нос.

– Колокол звонит всегда к несчастью, – повернувшись к бабе Нюре, проговорил дед Мартын.

– Типун тебе на язык, – одёрнув того за рукав рубахи, оборвала его внучка Анята, – накличешь еще беды.

Но дед Мартын стоял на своём и, взглянув теперь уже на Аняту, продолжил:

– А я те говорю: козь несчастье должно быть – от него не спасешься, хоть типун, хоть ни типун на мой язык.

– Вот старь заладил! – не соглашаясь с ним, проговорила Анята, – Может там и вправду кто забрался, да потихоньку качает, подсмеиваясь над нами, а ты разохался. Несчастье какое-то высмотрел.

– Дед Мартын, а ведь говорят, что если колокол звонит, то он звонит чаще по ком то, – не слушая рассуждения Аняты, задумчиво предположил Милентий, – а может и сейчас так?

– А ежели так, жди покойника, – задумчиво произнёс дед Мартын.

– Да уж, сколько людей помирало, а так колокол ни разу не звонил, – вслушиваясь в разговор соседей, возразила, бабка Нюра.

Анята, махнула рукой на говоривших и, не желая больше влезать в их разговор, отошла в сторону и, заметив невдалеке горстку толпившейся молодёжи, направилась к ним.

Дед Мартын и Милентий, не обращая внимания на Аняту, меж тем всё обсуждали странное явление, взбудоражившее спокойную жизнь в их деревне.

– Что толку понапрасну говорить, да беды бояться: поживем – увидим, – оборвала их разговор Нина Ивановна, – Милентий, пойдём домой, зови дочерей.

Послушав жену, Милентий нехотя отошёл от деда Мартына, оставив того в компании бабы Нюры. Оглядевшись по сторонам, он подзвал к себе находившихся немного в стороне Адель и Бернадетту. Девочки стояли взявшись крепко за руки, словно недавних разногласий меж ними и не было. Они, как и все вокруг обсуждали виденное, вслушиваясь в разговоры односельчан и строя свои детские предположения. Бернадетта утверждала, что это их деревенский кот Черныш пробрался к колоколу и, уцепившись за верёвку, раскачивает его. Но Адель с серьёзным видом спорила с ней, уверяя, что коты по таким стенам, как по деревьям, лазить не умеют. Но, заметив отца, зовущего их, девочки сразу прекратили спор и подошли к нему. Затем они все вместе выбрались из толпы односельчан и направилась в сторону дома.

Колокол меж тем звонил ещё около часа, а потом внезапно затих. Местные жители, собравшиеся у колокольни, ещё долго рассуждали по поводу этого странного, небывалого ранее явление. Они строили самые ужасные, а порой и мистические предположения, спорили, терялись в догадках. Но знать истинную причину звона, им было не дано. Через некоторое время, так и не решив, отчего вдруг стал звонить древний колокол, все собравшиеся потихоньку начали расходиться по домам.

В доме Милентия и Нины Ивановны обсуждение было не долгим. Милентий, обменявшись пару фразами о произошедшем с женой, направился в ту комнату, где оставил незаконченную работу и возобновил ремонт стула. Забывая молотком гвозди, он ещё какое-то время тихо бормотал себе под нос, продолжая рассуждать о странном звоне колоколе.

Нина Ивановна проводив взглядом мужа, завернула к иконе пресвятой Девы Марии, что располагалась в красном углу комнаты и зажгла как обычно свечку. Постояв немного у святого образа и попросив мысленно недопущения того, о чём рассуждали у колокольни Милентий и дед Мартын, она отправилась готовить ужин.

Девочки поспешили рассказать об увиденном своим сёстрам, которые отказались пойти к колокольне и остались дома. Они окрашивали свой рассказ детскими эмоциями, своими фантазиями и предположениями. Но вскоре и они отвлеклись от разговоров о колокольном звоне, затеяв шумную игру.

Меж тем день медленно клонился к вечеру, оставаясь, таким же тихим, безветренным и спокойным.

Глава 2

Знак беды. Тайна древнего рода

С наступлением темноты внезапно усилился ветер. По небу, с каждой секундой сгущаясь, словно шальные, понеслись темные тучи. После спокойного дня и тихого вечера, ураганом ворвалась ночь, неся с собой ненастье и горе. С погодой стало происходить что-то странное и пугающее. Ветер усиливался с каждой минутой, переходя в шквалистый. Его резкие порывы заставляли сгибаться перед беспощадной стихией верхушки вековых елей. С деревьев, ещё днем одетых в яркую листву, ветер жестоко сдирал последнее одеянье, ломая сучья и клоня к земле тонкие стволы. Дико завывало в трубах, с треском отламывались не закрытые ставни на окнах.

Дождя не было, но молнии сходили на землю одна за другой, рассекая небосклон огненными стрелами на части.

– Не нравится мне, что происходит на улице, – подойдя к окну, сказал Милентий, – надо выйти, покрепче запереть сарай.

– Да, такой ветер, пожалуй, все по щепкам разнести может, – согласилась жена.

– Папа, не ходи на улицу, – заплакав, попросила пятилетняя Эвелина, – а то и тебя по щепкам разнесет или ветер подхватит и унесет от нас.

– Не бойся, меня не унесет, – успокоил отец, – я крепко держаться буду.

Не успел Милентий подойти к двери, как внезапно потух огонь в старинном камине, а следом за ним потухла и свеча в красном углу.

– Эх, не к добру все это, – обернувшись и взглянув на камин, проговорил он.

– Ничего, я разожгу заново, – подхватила Нина Ивановна, – а ты иди, запри получше сарай.

Открыв дверь, Милентий, угибаясь от порывистого ветра, шагнул навстречу стихии. Нина Ивановна поспешила разжечь огонь в камине. И уже вскоре тёплый мягкий свет вновь окутал комнату.

– Идите сюда, – взглянув в окно, позвала Адель, – на краю деревни у заброшенного дома горит сарай.

Сёстры быстро побежали к Адель и устремили, как и она, свой взор на происходящее за окном. Следом за ними подошла Нина Ивановна, а подойдя ближе и взглянув в окно, спокойно, чтобы не пугать дочерей, произнесла:

– Видно молния попала, вот и загорелся, не пугайтесь. Давно надо было этот сарай снести, чтоб глаза не мозолил. Всё одно, стоял развалившийся наполовину, того и гляди придавил бы кого невзначай.

Затем, она обернулась к лику святой девы и тихо произнесла:

– Пресвятая дева, защити!

Вскоре со двора вернулся отец.

– Ну и погода, стоит – жуть берет, не хотел бы я в такие минуты оказаться в дороге или на улице, – произнёс он и, потирая ладони сел на стул, придвинув его ближе к камину.

Тем временем, небо заволочло непроглядными черными тучами. На землю опустилась кромешная тьма, из-за которой разглядеть что-либо за окном было не возможно. Горевший сарай к этому моменту развалился и огонь, охвативший его, от сильных порывов ветра потух. Девочки отошли от окна, не видя в непроглядной темноте за окном более ничего интересного. Но не успели они найти каждая себе занятие, как новое явление привлекло их внимание. Станный красный свет, исходивший с улицы, словно ножом прорезал тьму и осветил комнату. Все в недоумении как по команде обернулись в сторону окна.

– Что это? Солнышко проснулось? – рассмеявшись, спросила Эвелина.

– Так бывает, когда яркий закат на улице, – с умным видом Адель поправила сестру.

– Боюсь, что это ни то ни другое, – вставая со стула, произнес отец, – сейчас узнаем, что это за странный свет среди полной темноты.

Милентий пошел к окну, а следом за ним заспешили все шесть дочерей. Увидев, что за окном творится что-то странное, Нина Ивановна, отложив в сторону пяльцы, тоже подошла к ним. В черном ночном небе появилось огромное красное пятно. Оно медленно росло и разгоралось, а вскоре все отчетливо увидели силуэт алого меча, раскинувшегося в полнеба, от которого на землю, словно тень, спускалась бледная кроваво-красная полоса.

– Вот почему звонил колокол, – задумчиво тихо произнёс отец.

– Почему? – посмотрев удивлённо на него, тут же задала вопрос Роберта.

– Колокол предупреждал о знамении, и вот оно: в виде меча во всю ширь неба.

– А что такое знамение? – поинтересовалась Эвелина, услышав незнакомое слово.

– Это вестник беды, – тяжело вздохнув, ответила Нина, Ивановна, – Кровавая беда движется к нам. Но что это может быть? Война? Голод? Смерть? Не знаю. Мне очень тревожно.

– Я боюсь, мама, – перехватив обеспокоенность матери, захныкала маленькая Бернадетта, – спрячь меня.

Мать сняла с плеч свою шаль и, укутав в нее младшую дочь, прижала ту к себе.

– Не бойтесь, дети, – стала успокаивать она перепуганных дочерей, – чтобы не случилось – мы всегда будем вместе.

– Ничего ещё не случилось, а вы уже расхныкались, – пришел ей на помощь отец, – зажигай мать все свечи, а я задерну занавески. И всегда помните: кто беду раньше времени зовет, к тому она раньше всех и придет.

– Да и то, правда, давайте-ка усаживайтесь к столу, а я скоренько самовар поставлю и на стол справлю. Нас много – мы любую беду одолеть сможем. Сейчас чаю напьемся и спать: как говорится утро вечера мудренее. А встанем утром и все, что привиделось ночью, покажется глупостью.

Нина Ивановна поставила подсвечник с пятью зажженными свечами посередине стола и вышла из комнаты за самоваром. Милентий Милентьевич все это время, задумавшись, сидел у камина. Из невеселых размышлений его вывела одна из дочерей – Эвелина.

– Папа, – а правда если нас много, то нам никто не страшен? – спросила она.

– Конечно, правда, дочка.

– Мы справимся со всеми бедами, – продолжила она, – а потом я вырасту и стану принцессой.

– А ты и так у меня маленькая пятилетняя принцесса, – заулыбался в ответ отец.

– Нет, я по-настоящему стану принцессой – мне это каждую ночь снится, – гордо подняв голову, произнесла Эвелина.

– А я во сне вижу какую-то старую женщину, одетую во все черное, – подключившись к разговору, произнесла Русанна, – она меня каждую ночь зовет к себе и мне от этого бывает очень страшно.

Слушая разговоры дочерей, Милентий немного задумался, глядя, как потрескивает огонь в камине, а потом, повернувшись к дочерям, произнёс:

– Вы знаете, что сны иногда могут приоткрыть занавес в будущую жизнь. А мне сейчас захотелось приоткрыть для вас другой занавес – в прошлую жизнь и рассказать всем вам одну старую семейную легенду.

– Я так люблю все таинственное, – всплеснув руками, воскликнула шестилетняя Арабелла, – рассказывай скорее, папочка.

Сёстры, в ожидании необычного рассказа удивлённо переглянулись и придвинулись ближе к столу.

Милентий, загадочно взглянув на дочерей, отошел от стола и достал из тайника, что был за иконой, резной работы старинную шкатулку. Вернувшись, он поставил шкатулку на стол, за которым сидели дочери.

– Вот и я с горячим самоваром, – показалась в этот момент в дверях мать, – заждались, поди! – а, взглянув на стол, удивлённо добавила:

– А это что у вас за красавица на месте самовара стоит?

– Эта та шкатулка, о которой я тебе уже рассказывал, та, что вместе с иконой Святой Девы пришла из далёкого прошлого моих предков, – пояснил Милентий, – теперь настало время узнать о ней и дочерям.

– Хорошо, ты рассказывай, а я тихонько всем буду наливать чай. А вы, дочки, пейте чай, бараночки берите, да слушайте и запоминайте, что будет говорить отец.

Девочки, не замечая налитый в чашки чай, как зачарованные уставились на незнакомый предмет, сразу привлёкший их внимание. Шкатулка была ручной работы, изготовленная из слоновой кости. Резная, инкрустированная драгоценными камнями, украшенная позолотой, она так и сверкала в отблеске свечей, притягивая взоры собравшихся. На столе стояло настоящее произведение искусства. Ничего подобного ранее девочкам не доводилось видеть. Шкатулка казалась волшебной, сказочной и нереальной. Глядя на неё, девочки тихо перешёптывались, словно опасаясь отпугнуть волшебство.

Когда отец придвинул ближе к себе шкатулку, все затихли и замерли в ожидании интересного рассказа о необычной вещице. Он неторопливо поставил около шкатулки подсвечник и повёл свой рассказ, очень похожий на невероятную легенду.

– Вы чай пейте, а я буду рассказывать. И так, в те времена, – начал свой рассказ Милентий, – когда я еще был маленьким мальчиком, вместе с нами жил мой дед. Его как меня и моего отца звали Милентием. Мы тогда жили все вместе в этом же самом доме. Так вот, когда я появился на свет, мой дед настоял на том, чтобы меня назвали, как и его – Милентием. Он говорил, что судьба маленького Милентия, то есть меня, была решена задолго до рождения. Позже не раз повторял он мне, что я девятый в их роду, кому свыше готовилась необычная жизнь. "Ты избранник, – твердил он мне, – и постигнешь жизнь и смерть в единоначалии, познаешь радость и горе так, как не дано ни одному человеку в мире. В конце своего жизненного пути ты, словно переведя стрелки на рельсах, перейдешь в другую жизнь, не знаю, что это будет, но это будет точно не смерть". Дед еще тогда, когда мне было столько лет, как сейчас Арабелле, предсказал, что родится у меня шесть белокурых красавиц дочерей. Рождаться они будут, говорил он, каждый год в один и тот же день. Называть дочерей я должен был строго по преданию. Отсюда и появились ваши, не совсем обычные для наших мест, имена: Адель, Роберта, Русанна, Арабелла, Эвелина и Бернадетта. А незадолго до смерти, когда дед почувствовал, что скоро уйдёт от нас, он и передал мне вот эту старинную шкатулку.

– Какая она красивая, – не удержалась Бернадетта, – а что в ней хранится, папа?

– А ты сама открой ее и загляни внутрь, – предложил отец.

Бернадетта, допив свой чай и отставив кружку в сторону, пододвинула к себе шкатулку и осторожно открыла её. В ту же минуту яркий свет ослепил ее, но, присмотревшись, она увидела, что свет исходит от драгоценных камней. В шкатулке хранилось несколько старинных браслетов, богато украшенных драгоценными камнями и алмазами. Сестры мгновенно придвинулись ближе к Бернадетте и с любопытством уставились на содержимое шкатулке.

Протянув руку к необычному ларцу, Адель вытащила из него один из браслетов. Широко раскрыв глаза, она, словно завороченная, смотрела на чудную вещицу. Она вертела его в руках, рассматривая сверкающие камни и любуясь золотыми узорами поверх.

– Отец, – вскоре произнесла она, – смотри, здесь написано имя Эвелины и какие-то знаки, рисунки рядом.

– Браслетов в шкатулке ровно шесть, – продолжил отец, – ровно столько, сколько у меня родилось дочерей и на каждом браслете есть имя кого-нибудь из вас. Все эти браслеты ваши. Именно в них и кроется тайна нашего древнего рода. Как и предсказывал мой дед, у меня каждый год в один и тот же день стали рождаться мои доченьки и я давал вам имена, согласно написанным именам на этих браслетах. А вы не смотрите на них, а доставайте браслеты и одевайте себе на руку. Только помните главное: расставаться с ними вам нельзя. Чтобы ни случилось: война ли, голод, а браслеты должны быть всегда с вами, иначе вы обречете себя на страдания и болезни. Когда старшей из моих дочерей, тебе Адель, исполнится двадцать, а младшей Бернадетте – пятнадцать лет, вы все должны собраться в этом доме, древнем, как и наш род. В тот день и откроется вам тайна, ключ к которой находится в ваших браслетах. Но браслеты откроют тайну, только если они будут все вместе – таково главное условие!

– Когда мне будет двадцать? – задумалась Адель, – Это еще одиннадцать лет ждать? А что это за тайна, ты знаешь ее, папа?

– К сожалению, нет. Ее мне дед не рассказывал. Сам я не раз рассматривал ваши браслеты, пытаюсь разгадать секрет, хранящийся в них – но все безуспешно! Надеюсь, что вам повезет больше. И вот еще что: браслеты эти обладают способностью, как говорил мне мой дед, оберегать вас от гибели. Так что, храните их и помните все, о чем сейчас услышали.

Нина Ивановна, как и дочери, заморожено слушала рассказ мужа. Но в момент возникшей паузы, она подскочила, и начала суматошно убирать со стола пустую посуду. Дочери меж тем, с умным, не по детски сосредоточенным выражением лица, несколько минут ещё смотрели на шкатулку. Словно пытаюсь осмыслить, понять и проникнуть в услышанную только что легенду, словно волшебную сказку, манящую к себе.

Адель первой нарушила молчание и принялась доставать браслеты из шкатулки. Извлекая их, она читала начертанные на них имена и передавала сёстрам. Те, взяв в руки драгоценный предмет, заморожено разглядывали его, примеряя себе на запястье.

Тонкая ручка девочек была слишком худа для такого украшения. Сёстры продвигали браслеты по руке всё выше от запястья, но и там они не задерживаясь, сразу скатываясь по руке вниз.

– Папа, – пожаловалась Арабелла, – я надеваю браслет, а он у меня падает по руке вниз.

– И у меня тоже, – с досадой произнесла Русанна.

Милентий взял за руку Русанну и подвигал по нему браслет, который, не встречая препятствий, легко скользил вверх и вниз.

– А вы проденьте в них шнурок или веревочку и повесьте до времени на шею, как кулон-украшение, – посоветовал тогда он.

Быстро смекнув, что надо делать, тихая и рассудительная Арабелла слезла со стула и направилась в соседнюю комнату за маминой шкатулкой, в которой хранились всевозможные тесёмочки, ленты и шнурки. Достав её с полки, Арабелла сразу вернулась к остальным и уже здесь, вместе со всеми сёстрами начала разбирать содержимое.

Протянув голубую ленточку через свой браслет, Эвелина внимательно посмотрев на него, произнесла:

– А на моём браслете есть какая-то стрелочка, как на часах.

– И на моём тоже такая есть, – изучая свой браслет, подтвердила Адель, – только стрелочка эта не движется, – папа, а зачем эта стрелка?

– Этого я и сам не знаю, – пожал плечами Милентий, – но думаю, со временем, тайна этих застывших стрелок, чем-то похожих на стрелки компаса, обязательно раскроют вам свой секрет.

– А что это за книжечка осталась на дне? – заглянув в шкатулку, спросила Роберта.

Пододвинув к себе опустевшую шкатулку, отец вытащил из нее последний хранящийся там предмет – маленькую книжечку, написанную от руки.

– Что это? – удивилась Нина Ивановна, – Ты мне о ней ничего не говорил.

– Мне не хотелось тебя расстраивать раньше времени, – ответил отец, – эта книга предсказаний для нас и наших дочерей, написанная давно одним из моих прадедов – тем, который и сделал эти красивые, ручной работы браслеты.

– Ты знаешь, Милентий, мне кажется, что твой прадед не был простым человеком, делающим красивые браслеты и сочиняющим к ним волшебные истории.

– Может и так, но уверяю тебя в одном – мне его способности не передались.

– Поживем, увидим, – улыбнулась Нина Ивановна, – а сейчас прочитай мне и детям предсказания. Очень хочется узнать: что же нас ждет впереди.

– Предупреждаю сразу: эти предсказания не так легко понять. Но, похоже, одно из них – первое, начинается как-то сбываться.

Милентий раскрыл заветную книжечку, пододвинул поближе к себе подсвечник и начал медленно читать:

*«Будет год и будут бури,
Знак покажут небеса,
Аспид дьявола, за кровью
В мир ворвется, как стрела.
Чаша полная прольется
И по каплям растечётся
Так, что много лет подряд
Чаше полной не бывать.
Чтоб помочь цветку цвести,
Должен стебель в прах уйти
А когда наступит час
Все решится в день и в раз.
Чтоб разлуку превозмочь
Кто-то должен выйти в ночь
И пройти путей не мало
Главное: терпенье изначала!
Будут море и гора,
На пути стоять не зря,
Дьявол двери распахнет,
Ангел двери те запрет».*

Пока отец читал предсказания, все сидели тихо и внимательно слушали, пытаясь понять, о чем он читает. Первой тишину нарушила жена.

– Да, действительно все так запутанно и странно, а иногда просто мороз по коже, – произнесла жена, – только вот не понятно о чем ты говорил, когда упомянул, что первое предсказание начинает сбываться?

– Я думаю, что бури, о которых идет там речь, это те, что сегодня за окном. Далее: "знак покажут небеса". Знак мы сегодня тоже видели.

– Хорошо, с этим я согласна, а как же окончание: "аспид дьявола за кровью в мир ворвется как стрела»? Что это может означать?

– Не знаю, одно могу предположить, что этот кровавый знак на небе может предсказывать только кровь. Потому-то я решился раздать дочерям сегодня браслеты – чтобы ни случилось, они должны уберечь девочек от гибели. Мне кажется, что сегодняшней звон колокола, знамение – все это только начало, остальное нас ждёт впереди.

– О Господи, не допусти! – взмолилась Нина Ивановна.

– Будем жить, как жили, а там, что будет. Изменить что-то – всё одно не в нашей власти.

– Папа, расскажи про икону, которая пришла вместе со шкатулкой к нам, – попросила Роберта.

– Давай не сегодня, дочка, хватит вам сегодняшних впечатлений и сюрпризов, – тяжело вздохнув, предложил Милентий.

За разговорами все отвлеклись от непогоды на улице. За окном постепенно все стихло, мрачные тучи разошлись и кое – где на ночном небе просматривались звезды. Ненастье отступило, а время меж тем зашло уже далеко за полночь. Медленно все стали расходиться по комнатам и укладываться спать.

– Дай бог, всем нам избежать беды, – произнесла перед сном мать, обращаясь к дочерям.

Глава 3

Сектанты

На рассвете Нину Ивановну разбудил сильный стук в дверь, а вскоре послышался и голос из-за двери соседки Серафимы Лукьяновны.

– Иванна! Проснись! – громко кричала она.

Открыв глаза и еще витая в грезах сна, первые секунды Нина Ивановна не могла понять: где стучат.

– Беда, соседка! – не унималась та, – Открой же скорее, Иванна!

Услышав слово "беда", Нина Ивановна вскочила с постели и, на ходу надевая халат, поспешила открыть.

– Что случилось? – сонным голосом спросила она.

– Прячь своих детей, сектанты в соседней деревне. Ночью в дома врываются, детей отбирали – жертвоприношение у них.

– Что еще за сектанты? Откуда? – не понимая, о чём та говорит, переспросила Нина Ивановна.

– Да кто знает, откуда занесло их в наши края. Беда – то какая, неожиданно-негаданно идёт к нам, – продолжала причитать соседка.

– А ты-то сама почему знаешь? – недоверчиво спросила Нина Ивановна.

Переведя дух, Серафима Лукьяновна села на табурет при входе и принялась нервно рассказывать:

– Муж мой у брата вчера был, да заночевал там. А как прослышал об этих сектантах: так сразу на коня и домой.

– Подожди, Серафима, а дети им зачем? – остановила её Нина Ивановна, – Какое еще жертвоприношение?

– Богу своему в угоду. Муж говорит: детей заживо жгли, столько народа погибло! – всплеснула она руками, а затем, словно что-то вспомнив, быстро подскочила со стула, – Да некогда мне рассказывать, дальше побегу. Ведь беда-то какая к нам идёт!

Вернувшись в дом, Нина Ивановна, вскользь взглянула на семейную икону и тихо, с мольбой в голосе, на ходу проронив: «Не допусти!», кинулась будить мужа и детей. «Куда прятать? – вертелось у нее в голове, – Дочерей в доме шесть – это не иголку в стоге сена закопать».

Услышав, что случилось, Милентий, словно ошпаренный, вскочил с постели.

– Вот к чему было ночное знамение, – испуганно проговорил он, – беда не заставила долго ждать – с утра пораньше и явилась. Что делать будем, жена?

Нина Ивановна опустив руки, словно плети, вниз, растерянно смотрела на мужа.

– Ума не приложу, – взволнованным голосом произнесла она, – у меня при мысли, что нашим девочкам грозит опасность, холодеет всё внутри.

– Может мне их увезти? – предложил Милентий.

– Куда? Родни у нас нет, да и потом, кто знает: не повстречаешься ли ты с ними в дороге. Как знать, где они пройдут: лесом, дорогой? Там тебе и помочь будет не кому.

– Выхода нет, останемся дома. Дверь покрепче закрём, – согласился муж, – детей спрячем, а если что – всей деревней защищать будем всех детей и своих и соседских, ведь дети не чужие. Хотя от такой беды и чужих защищать пойдешь.

Нина Ивановна беглым взглядом осмотрела комнату, словно глазами ища укромное место, а затем, будто что-то вспомнив, предложила:

– Ты тогда Милентий, отведи дочерей к дальнему чулану – пусть там пока сидят. А я тем временем запру покрепче дверь и ставни закрою на окнах – может не зайдут к нам.

В течение дня в деревне было спокойно, никто из чужих не показывался. Местные жители тихо сидели в своих домах, боясь выйти на улицу. Ближе к вечеру Нина Ивановна немного воспряла духом.

– Не приходили. Наверное, теперь уж и совсем не покажутся, – с надеждой в голосе, предположила она, – может в другую деревню поехали, или совсем из наших мест ушли. А мож, сама Серафима что не так поняла, да панику понапрасну затеяла.

Через какое-то время, в дверь постучали. Стук был тихим, нерешительным и не вызвал подозрения.

– Кто там? – спросила Нина Ивановна.

– Подайте Христа ради кусок хлеба да воды напиться, – раздался в ответ приглушенный голос старой женщины.

– Наверное, опять юродивые ходят, – тихо произнесла Нина Ивановна, – я открою, напою старуху, а ты, Милентий – от греха подальше ступай к девочкам, да сидите тихо.

Как только Милентий скрылся в глубине дома, Нина Ивановна начала отпирать входную дверь. Распахнув ее, она действительно увидела на пороге старуху. Но тут же вперед из-за её спины вышел высокий, крепкого телосложения мужчина, притаившийся за косяком двери. Старуха уступила ему дорогу и, повернувшись, молча пошла прочь от дома. Незнакомец оттолкнул от входа Нину Ивановну и шагнул внутрь дома.

– Дети в хате есть? – спросил он.

– Нет, – тихо ответила Нина Ивановна и потупила глаза в пол.

– Где детей дела? – гневно взглянув на неё, продолжил тот.

– У меня их никогда не было – не способна я родить, – растерянно соврала Нина Ивановна.

Пробежав беглым взглядом по комнате, – мужчина заметил не далеко от себя в углу забытый детский ботинок. Резко повернувшись, он поднял его и, что есть сил, ударил им по лицу Нину Ивановну.

– Ты лжешь! – гневно воскликнул он, – Где дети?

– Нет, никого нет, я одна в доме. Все уехали на ярмарку в город.

– Ты опять мне лжешь – сегодня нет ярмарки! – сказав это, сектант еще раз, с большей силой, стукнул по лицу Нину Ивановну.

От удара она не устояла на ногах и упала на пол. Из ее носа тонкой струйкой потекла кровь.

– Где дети? – настаивал на своем незнакомец.

– Ты отродье, сын сатаны, – не сдержавшись, процедила сквозь зубы Нина Ивановна, – тебе в жизнь не видать моих детей.

Её слова расслышал сектант и, разозлившись еще больше, принялся бить ту ногами.

– Ах ты, сучка, подлая женщина, – выкрикивал он, нанося ей один удар за другим, – как ты смеешь оскорблять меня? Только мой бог способен навести порядок на этой грешной земле.

– Чем? Насилием и кровью? – всхлипывая, продолжала она, – Вы иезуиты, мерзкие выродки, которые не заслуживают жить.

Наклонившись к Нине Ивановне, сектант, переполняемый яростью и злобой, глядя ей в глаза, гневно прошипел:

– Запомни! Только непорочная кровь может смыть грехи с земли нашей. По-хорошему прошу, ради благого дела, приведи детей своих!

– Нет! – выкрикнула в ответ Нина Ивановна, – Убивай своих, а моих не тронь. Пусть твои отпрыски страдают за вашу религию.

– Хватит разговоров, я их сам найду, пошла прочь с дороги!

Сектант сапогом оттолкнул лежащую на полу женщину и шагнул вглубь дома. С трудом поднявшись, Нина Ивановна встала на ноги и, схватив стоявшую в углу лопату, нанесла ему удар мужчине по голове. Но ее сил не хватило даже для того, чтобы слегка оглушить его.

Почувствовав на себе удар, сектант в ярости развернулся к Нине Ивановне и, выхватив у неё лопату, ударил бедную женщину. Издав крик, она сползла на пол. Но этого ему показалось мало, и он стал наносить один удар за другим, выливая весь свой гнев на ни в чем не повинную женщину.

Крик жены из глубины дома расслышали Милентий и девочки.

– Папа, ты слышишь: там мама кричит, – испуганно произнесла Роберта.

– Там что-то случилось, – прошептала Адель.

– Да, я тоже слышу, – ответил отец, – вы сидите здесь тихо, а я схожу к маме, посмотрю, что там происходит.

Выйдя из чулана, Милентий стал пробираться по коридорам к тому месту, откуда были слышны крики. Когда же он подошел ближе, то увидел печальную картину: его жена – Нина Ивановна неподвижно лежала на полу в луже крови. Голова её была запрокинута назад, а глаза, застыв на месте, были обращены в угол комнаты. При виде жены, Милентий чуть было не вскрикнул от отчаянья и горя. Ему хотелось кинуться на разгуливающего рядом с ней здорового молодца, рыскающего по углам и кладовкам в поисках детей, но, вовремя сдержавшись, Милентий быстро повернул назад к чулану. Там его ждали шесть беззащитных дочерей, над которыми нависла угроза такой же расправы, какой подверглась их мать.

– Что случилось, папа? – тут же спросила Адель.

– Чужие в доме, они ищут вас, – ответил он, – вам нужно уходить. Они обшаривают все углы и закоулки, скоро доберутся и до чулана. Адель, ты старшая из сестер – тебе и выводить всех из дома. Идите тихо к задней двери, а там, через огороды к лесу. С той стороны дома надеюсь, их нет. Там доски да всякий строительный хлам, а в нём искать никого не будут. Думаю, сможете незамеченными добраться до леса.

– Папа, а что там с мамой? – перебила его Русанна.

– Вы сейчас должны думать о себе – вам грозит опасность. Не медлите, выбирайтесь из дома. Главное не забудьте: ни звука! Как мышки выбирайтесь, на цыпочках.

– А как же ты? – заволновалась Адель.

– Я задержусь, чтобы в случае чего прикрыть вас. А потом следом за вами, в лес. А в лесу уж мы не потеряемся, каждая тропка как родная, не раз хоженная. Встретимся на нашем месте у оврага. Пересидим пока там.

Милентий проводил детей до двери и вернулся обратно в дом. От их дома до леса было не далеко. Чтобы добраться туда, нужно было пройти через задний двор, пару огородов и вот он – лес. Адель тихо провела сестер через двор, указала путь, где можно незаметно пройти через огороды, приказала бежать быстро и пригнувшись к земле, а сама вернулась назад, в дом. Ей хотелось узнать, что всётаки случилось с мамой.

Войдя опять через заднюю дверь, Адель пошла, искать родителей. Подойдя не замеченной ближе к зальной комнате, она увидела через открытую дверь, прямо перед собой свою мать. Та лежала тихо, вся в крови и не издавала ни звука. А в углу напротив, куда был устремлён взор неподвижно лежащей на полу Нины Ивановны, по их семейной иконе медленно стекали красные слёзы. Испугавшись, Адель вскрикнула: «Мама!» и растерянно попятилась назад.

Этот крик услышал сектант, шаривший в соседней комнате. Он незамедлительно направился обратно, туда, откуда раздался голос девочки.

– Вот ты где! – увидев Адель, злоратно произнес он, – иди ко мне, деточка!

– Что вы сделали с моей мамой? – не думая в ту минуту о себе, всхлипывая, спросила она.

– То, чего она достойна, а тебе я приказал идти ко мне, не заставляй принуждать тебя, иначе горько пожалеешь, маленький крысенок, – грубо ответил незнакомец.

Он незамедлительно шагнул к Адель, собираясь схватить ту за руку, но в этот момент из дверного проема напротив, выскочил не успевший покинуть дом Милентий и что есть сил, ударил чужака палкой по голове. Сектант, теряя сознание, рухнул на пол.

– Что ты здесь делаешь, дочка? Почему не убежала?

– Прости, папа, я очень волновалась за маму, – испуганно произнесла Адель, вытирая кулачком слёзы, стекающие по её щекам.

– Ты ей ни чем уже не сможешь помочь, взглянув на жену, с грустью произнес Милентий, – быстрее спасайся сама, дочка. Беги к лесу и догоняй сестёр.

Обернувшись, Адель увидела направляющихся к ней еще двух незнакомцев, которые вышли из детской комнаты. Путь к задней двери ей был перекрыт. Не раздумывая, она бросилась в другую сторону, туда, где была распахнутая парадная дверь, ведущая на улицу. Сектанты направились следом, но дорогу им преградил отец. С одним из мужчин завязалась драка, другой же продолжил преследование.

Перепуганная до смерти, Адель не знала куда бежать. Ей было страшно находиться и на улице. Привычные и родные с детства дома казались чужими, везде мерещилась беда, в то время как в доме оставался родной ей человек – отец. Заметавшись, Адель хотела было вернуться обратно в дом и спрятаться там в укромном уголке, но, обернувшись, увидела как следом за ней выбежал сектант. Дорога домой была закрыта. Ускорив шаг, Адель помчалась вперед, к домам соседей. Увидев распахнутую калитку одного из домов, она подбежала к ней, а, забежав во двор, закрыла калитку за собой на засов. На какое-то время преследователь был задержан. Но медлить было все равно нельзя – с минуты на минуту он справится с засовом и продолжит преследование.

Забежав за дом, Адель оказалась на хозяйственном дворе. Осмотревшись, она заметила еще одну калитку, выходящую на огород. А здесь, посреди двора, стояла груженная сеном телега. Не раздумывая, Адель быстро забралась в телегу и укрылась под сеном.

Вскоре сквозь маленькую щель в сухой траве, она увидела, как разъяренный преследователь выскочил из-за дома. Остановившись, он стал пристально осматривать двор, затем, заглянул в коровник и осмотрел сарай. Не найдя там Адель, он побежал к калитке, ведущей в огород.

«Только бы не вернулся, только бы не нашел!», – дрожа от страха, мысленно твердила она. Но мужчина вскоре вернулся. Не увидев девочку в огороде, он стал стучать в дом соседей. Когда те открыли, он ринулся внутрь, злобно обшаривая дом и переворачивая мебель. Вскоре, не найдя и там беглянку, он, громко выкрикивая бранные слова, вышел из дома и пошел прочь.

Глава 4

Спасение Адель

Спустя некоторое время, телега, в которой укрывалась Адель, тронулась с места и медленно выехала со двора. Адель не знала, куда едет телега, кто управляет ей. Но это сейчас было и неважно. Для неё сейчас было главное, что она уезжает подальше от этих страшных людей. Она сидела тихо, затаившись словно мышь, со страхом поглядывая через просвет в сене на улицу. На площади в этот момент было много людей: знакомых и незнакомых, все они громко кричали и ругались. Некоторые соседские женщины причитали и плакали.

Проезжая дальше, она заметила, как незнакомые мужчины начинают накидывать ветки и сучья для большого костра на краю площади. Рядом с ними толпились дети с их деревни. Перепуганные и плачущие, те жались друг к другу и звали на помощь родных. Но стоявшие рядом незнакомцы, которые, по-видимому, были приставлены, чтобы охраняли детей, палками отгоняли местное население от них. Взглянув в сторону, Адель увидела свою младшую сестру – Бернадетту. Ту, со стороны леса, ташил за одежду один из чужаков. При виде такой картины, слезы потекли из глаз Адель. «Этого не может быть, – шептала она, – почему Бернадетта не убежала в лес, где остальные сестры?» Но как бы ни было Адель в этот момент жалко сестру, страх быть замеченной и схваченной был сильнее её и помочь сестре сейчас она ничем не могла.

Сквозь слезы Адель смотрела на всё происходящее. Чтобы не всхлипнуть, она ладошкой, что есть сил, зажала себе рот и всем существом вжалась в сено. Телега с сеном медленно проезжала дальше. Тут Адель заметила, как ее соседи с другой стороны площади, вооружённые топорами и вилами, бежали к месту сбора детей. Со всех сторон доносились крики, стон и плач. Но телега, на которую почему-то никто не обращал внимания, медленно всё отъезжала и отъезжала дальше. Постепенно все звуки затихали, а вскоре уже не были слышны и вовсе.

Адель от увиденного всё ещё трясло, слёзы горячими струйками безудержно текли по щекам. А тем временем телега уже далеко отъехала от родной деревни. Когда же Адель в очередной раз выглянула из сена, то заметила, что порядком стемнело и телега едет по лесной дороге. "Лес! Здесь мои остальные сестры! – прошептала Адель, – я должна найти их!" Не раздумывая, она ловко выбралась из сена и тихо прыгнула на дорогу. А осмотревшись по сторонам, увидела, что стоит одна в незнакомом тёмном и мрачном лесу. Телега же, которая стала для неё «кораблём спасения», уезжала всё дальше и дальше, пока мрачные сумерки не скрыли её из виду. Свернув на тропу, Адель побрела, куда глаза глядят. Главное, что здесь не было этих страшных мужчин, не были слышны крики и плач с площади. Она, часто останавливаясь, звала сестер. Но никто ее голоса не слышал и не откликался. Только совы ухали во тьме. Силуэты деревьев постепенно становились схожими с жутковатыми ночными призраками. Каждый шорох в траве, шелест листьев пугали, заставляя опять трястись от страха.

Перепуганная Адель наконец остановилась. Она перестала звать сестёр и, забравшись под большой куст, сжалась в комок от страха и холода. Она вслушиваясь во все звуки, доносящиеся из ночного леса, но вскоре, сон одолел её и она задремала.

Настало долгожданное утро. Открыв глаза, Адель не увидела того, что выглядело таким жутким и пугающим ночью. Кругом были деревья, кусты, одетые в красочные осенние убранства. Слышались переливы птичьих песен, постукивание дятла по стволу дерева. Выбравшись из куста, она отправилась дальше, не разбирая дорог и тропинок на поиски сестёр. Она шла вперед, изредка останавливаясь, оглядываясь и звала своих сестер, с надеждой найти их. Весь этот день Адель провела в поисках, но так никого и не встретила. Ей хотелось пить и есть, но лесные ягоды совсем не утоляли голод. Вскоре, когда сумерки опустились на землю, она,

обессиленная от долгой утомительной ходьбы, легла на кучу осыпавшейся жёлтой листвы у подножия дерева и задремала. Так она проспала до полудня следующего дня.

Ее разбудил лай собак. Открыв глаза, она увидела стоявших рядом с ней незнакомых мужчин. Решив, что это те чужаки, которые собирались принести в жертву детей ее деревни, Адель быстро вскочила на ноги и бросилась бежать. Один из незнакомцев, сев на коня, поехал следом. Как только лошадь настигла Адель, та, громко рыдая, упала на колени.

– Не убивайте меня, – всхлипывая, просила она, – возьмите меня служанкой к себе, я умею все делать, только не убивайте.

Опешивший мужчина первые секунды не мог понять, что происходит. Но, сообразив, что девочка чем-то очень напугана, поспешил слезть с лошади.

– Я не собираюсь тебя убивать, мы охотники и не причиним тебе зла, – попробовал он успокоить её.

Но перепуганная до смерти Адель, все еще не доверяя незнакомцу, дрожала и плакала и тихо шептала одно и то же:

– Не убивайте меня, прошу вас, не убивайте.

Мужчина подошел к ней ближе и, приобняв её за плечи, прижал к себе.

– Успокойся, прошу тебя, – мягко заговорил он, – мы не враги. Пойдем со мной к остальным, и ты расскажешь всё, что произошло с тобой и что так сильно тебя напугало.

Понемногу Адель начала приходить в себя. Толи мягкий голос и ласковые глаза вселили ей уверенность в этом человеке, толи безнадёжность, голод и отчаяние подтолкнули довериться незнакомцу. Она послушалась его и, как взрослая, за руку подошла к оставшимся на поляне охотникам. Те, ласково улыбаясь, смотрели на белокурую маленькую Адель как на бедного ни в чём не повинного зверька, попавшего в беду. Один из мужчин сразу расстелил на земле свой плащ, и предложили Адель сесть. А затем, достав термос из охотничьей сумки, напоил ее горячим чаем и накормил хлебом. Другой же незнакомец укутал её в свой теплый плащ.

Эти, совершенно чужие для неё люди, обращались с ней нежно, по доброму, боясь опять напугать и пробудить былые страхи. А ей, ещё совсем ребёнку, этого тепла и участия сейчас так не хватало. И вскоре она совсем успокоилась, перестала их бояться и изредка всхлипывать.

– Кто ты? – спросил один из охотников, когда Адель допила свой чай и согрелась.

– Я, Адель, – тихо произнесла она, – Самая старшая из сестер.

– Самая старшая? – улыбнулись охотники, – Да ты сама еще такая крошка, какие же у тебя сестры?

– Нас шесть сестер, – начала пояснять она, – самой младшей – Бернадетте четыре года, Эвелине пять, Арабелле шесть, Роберте восемь, Русанне семь, а мне уже девять.

– Да, действительно самая старшая, – засмеявшись, проговорил один из охотников, – А почему у твоих сестер, да и у тебя тоже такие странные имена? Вы не здешние?

– Нет, мы живем в этих краях – в деревне Заливное, а зовут нас так потому, что этого захотел наш прадедушка.

– А где сейчас твои родители, сестры? Ведь деревня Заливное далеко отсюда.

– Не знаю, – ответила Адель и опять заплакала.

– Что-то произошло? Расскажи нам, а мы тогда уже будем думать, как тебе помочь, – погладив её по голове и прижав к себе, попросил тот охотник, который догнал её на лошади.

– К нам в деревню приехали чужие люди, – всхлипывая, начала она свой рассказ, – мама называла их сектантами. Когда они зашли к нам в дом, мы с сестренками спрятались в чулане. Потом мама начала громко кричать и плакать, а позже я видела ее лежащей всю в крови на полу. Папа мне велел убежать вместе с сестрами, а сам пошел к этим сектантам. Сестричкам я сказала бежать в лес, а сама задержалась, мне только хотелось посмотреть, что случилось с мамой. Меня заметил один из чужаков и погнался за мной. Я очень испугалась и залезла на телегу с сеном, что стояла во дворе соседнего дома. Я закопалась в сене и так спряталась от пре-

следовавшего меня этого страшного мужчины. Мне было видно через щёлочку, как он искал меня, но не нашёл, а потом телега поехала. В сене я, когда мы выехали за деревни, немного задремала, а когда открыла глаза – было уже темно. Мы ехали по лесу, там я и спрыгнула, надеясь найти своих сестёр. Долго блуждая по лесу, я устала, так никого не найдя и легла на траву отдохнуть, там и заснула, а потом приехали вы.

– Да, невеселая история, – протянул самый старший из охотников, которого остальные называли Иваном, – поедem сейчас ко мне в дом – с сынишкой моим познакомишься, отдохнешь, а я съезжу в вашу деревню, разузнаю там всё.

Глава 5

Новая семья

День клонился к вечеру, когда уставшие охотники подъехали к реке. Первым ехал Иван, а вместе с ним Адель. Она облокотилась к нему на грудь и от легкой дорожной тряски задремала, изредка вздрагивая во сне. Иван одной рукой обнял девочку, придерживая, чтобы та не упала с лошади, другой же рукой он держал поводья, стараясь как можно мягче вести лошадь.

За рекой, на холме показались небольшие дома, купола двух церквушек. Это и являлось тем местом, куда ехали охотники, туда, где были их дома и семьи. Подъехав к реке, они остановились – мост в этом месте был давно разрушен. С тех пор река обмельчала, и на другой берег можно было попасть не иначе, как переходя вброд.

– Адель, проснись, – тронул за плечо девочку Иван, – мы приехали.

– Приехали? Куда? – спросонья всполошилась она, – Где мои мама и папа?

– Нет, Адель, мы приехали в наш дом – он там, за рекой. Осталось только перейти ее. Отдохнешь немного у нас, а потом поедem к тебе в деревню.

Отходя ото сна и возвращаясь в реальность, перед её глазами ясно всплыли картины недавно произошедших событий, вызывая боль и страдания в груди. Иван помог Адель слезть с лошади, и она молчаливо побрела к реке. Рядом шли мало знакомые мужчины, они держали под уздцы лошадей и, увлекая их за собой, так же вели к воде. Вода была холодной. Лошади упирались, отказываясь заходить в нее.

Самый молодой и крепкий из охотников поднял Адель на руки, и первым перешел на тот берег. Последовав его примеру, следом за ним перешли остальные, ведя рядом смирившихся лошадей. После чего все опять сели на лошадей, и последний короткий отрезок пути продолжили верхом. А вскоре они уже въезжали в маленький тихий городок.

Их встречали одноэтажные и двухэтажные постройки, выстроившиеся вдоль улочек города. Около домов красовались ровно подстриженные кустарники. Среди домов просматривалось несколько не больших площадей, на которых виднелись фонтаны. Здесь же были скамейки для отдыха горожан. На этих немногочисленных площадях было многолюдно. Мальчишки резвились у фонтанов. Поддевая воду рукой, они обрызгивали играющих рядом девочек. Те, в свою очередь, вскрикивали и отскакивали в сторону, вызывая тем самым смех озорников. Здесь же рядом на скамейках сидели женщины с маленькими детьми, с улыбкой наблюдавшие, как их малыши разбегались в разные стороны от случайно долетевших до них брызг воды. В воздухе витало ощущение спокойствия и размеренности жизни.

Робко оглядывая незнакомые места, Адель чудилось, что вот-вот из-за угла выйдет её мама и, как бывало прежде, позвав к себе, крепко обнимет и посадит к себе на колени. А потом они вместе отправятся домой, и все будет как прежде. Но надежды её были несбыточны, как бы пристально она не вглядывалась в прохожих. А по улицам проходило много женщин, только их лица были ей не знакомы. Адель ловила каждый их взгляд, всматриваясь в них, ни на секунду не расставаясь с надеждой увидеть родное лицо.

Подъехав ближе к одной из площадей, Адель увидела кучку детей, играющих под деревом. Внезапно ей показалось, что среди них стоит ее сестра Эвелина. Адель попросила остановить лошадь, спрыгнула на землю и помчалась к детям.

– Эви, – закричала она радостно, – Эви, сестричка!

Подбежав ближе к девочке, она схватила ее за плечи и повернула лицом к себе.

– Я не Эви, я Катя, – произнесла испуганная светловолосая девочка и отошла в сторону.

Радостное лицо Адель в секунду изменилось, став как прежде, растерянным и печальным. Из глаз ее опять потекли слезы, она присела на корточки и, наклонив голову, громко

зарыдала. Несколько детей обступили ее кольцом и молча в недоумении, смотрели на неё. Один из охотников, быстро соскочив с лошади, подошел к Адель.

– Успокойся, – тихо произнёс он, глядя ее по голове, – мы разыщем твоих родных, все будет хорошо, ты вернешься назад, в свой дом.

Он взял её за руку и увёл от детей. Дальше по улице города они уже передвигались пешком, ведя за собой лошадей. Постепенно каждый из охотников отворачивал в сторону своего дома и, попрощавшись с остальными, уходил.

Адель осталась ночевать в просторном доме Ивана, где кроме него жили ещё его жена и десятилетний сын Кристиан. На следующее утро Иван, как и обещал, отправился в ту деревню, откуда была родом Адель. Путь этот был не близким, а потому к месту он подъехал только к вечеру. То, что поведали ему местные жители, было далеко не утешительным. А узнал от них Иван следующее: от семьи Адель после ухода чужаков оставались только отец семейства Милентий, да его погибшая жена, которую схоронили утром. Все же остальные, а именно дети – пять сестричек бесследно пропали, за исключением Бернадетты – младшей четырёхлетней девочки, которую сектанты насильно увезли с собой. Да и Милентий – отец семейства после похорон так же пропал, как решили соседи – ушёл на поиски дочерей и до сих пор не возвращался.

Обратно, в свой город, Иван добрался под утро. Посоветовавшись с женой, они решили Адель оставить в семье, как приемную дочь.

– Был я в твоей деревне, Адель, – подойдя к постели девочки, начал рассказывать Иван, – и мне сказали, что сестры твои, как и ты убежали. Твои мама с папой ушли искать вас. Я сказал твоим соседям, где тебя искать. Так что ты поживи пока у нас, а когда они придут за тобой, ты поедешь с ними домой.

Наивная маленькая Адель, поверив Ивану, согласилась с ним и осталась в их семье. О том, что мама Адель погибла в тот день, Иван решил пока ничего не рассказывать. «Узнает, как время придёт и когда немного поуспокоится» – сказал он своей жене.

Глава 6

Кровавая схватка

В деревне, лишь только Адель в телеге покинула пределы своего поселения, обстановка начала накаляться с каждой минутой. Сектанты, взбешенные протестом местных жителей, еще более стали зверствовать, прикрываясь обычаем своей кровавой религии. А меж тем надвигались сумерки и от этого чужаки начинали нервничать и спешить со свершением обряда.

К принесённым сухим веткам тащили доски, старую мебель из сараев местных жителей. Все это громоздили в большую и высокую кучу, предназначавшуюся впоследствии для разжигания ритуального огня. Со всех сторон сектанты продолжали сгонять сюда найденных детей. Беззащитные мальчики и девочки плакали, просили отпустить их к родителям. Но суровые сектанты не обращали внимания на их мольбы – для них они были жертвами в их обряде жертвоприношения. Детей подводили ближе к площадке, сталкивая в одно место – ближе к готовившемуся костру. Рядом стояли пятеро крепких мужчин, в обязанность которых входило охранять их.

Начать ритуал мешали местные жители. Вооруженные топорами и вилами, деревенские мужчины вступили в схватку с сектантами, намереваясь отбить и спасти детей. Завязалась кровавая схватка. Слабые старики, не выдерживая, падали, а бой продолжали более молодые. Сектантов было много. Подобно волкам, те боролись за свою добычу. Крепкие и сильный, они были словно подобраны для таких столкновений. Яростно сражаясь, им вскоре удалось одержать верх, отогнав от детей их родственников и соседей. Крики и плач густым туманом повисли в воздухе. Горе и беспомощность охватили деревню. Обезумевшие женщины, наряду с мужской частью населения, с кулаками кидались на готовящихся к акции зверского насилия сектантов. Они цеплялись за их одежду, волосы, стараясь хоть как-то помешать, вырвать из их кровожадных лап своих детей.

Казалось, сила этих обезумевших женщин возрастала втрое. В эти мгновения они забывали о себе, о своих жизнях – в смертельной опасности находились их дети. В ответ сектанты избивали их палками, наносили удары сапогами. Окровавленные женщины падали на землю и даже тогда, когда испытывали неимоверную боль, всё равно ползли вперёд, умоляя и прося пощады детям.

Но никакие мольбы, исходившие из уст полуживых истерзанных матерей, не трогали чужаков. Казалось, их сердца застыли, и чувства жалости и сострадания были для них не знакомы. Сектанты думали только о своем обряде.

Разозлившись на одну из женщин, чужак начал более яростно избивать ее, нанося один удар за другим. На лице и теле женщины появилось множество кровоподтёков. Не выдерживая боль, она несколько раз вскрикнула. Заметив это, ее дочь, стоявшая с остальными детьми, кинулась на охранника.

– Отпустите мою маму! – рыдая, закричала девочка.

– Встань на место, – схватив за руку и толкнув ту назад, приказал охраняющий чужак.

– Вы животные и должны сидеть в клетках вместе с тиграми и львами, – не унимаясь, выкрикивала девочка, – я прошу всех святых взглянуть сейчас с небес и послать самую суровую кару на ваши головы!

– Заткнись! – прикрикнул на неё сектант, – или ты тоже захотела испытать на себе силу удара палкой?

– Вы только и умеете, что бить да убивать беззащитных! Господи! Помешай им, пошли на них самую мучительную смерть!

В конец, разозлившись на девочку, охранник, что есть сил, стукнул ту палкой по спине. Издав крик, она упала. Увидев это, ее мать, собрав последние силы, бросилась на охранника.

– Не тронь мою дочь! – завопила она, яростно вцепившись ему в горло.

– Я убью и тебя и ее, – в ответ прошипел тот же чужак.

От этих слов женщина стала еще сильнее сдавливать горло, обезумев от горя и ненависти. Дикая ярость и злоба были в ее глазах. Сектант пытался всячески оттолкнуть ее, разжать руки, но совладать с одержимой насилием за насиле матерью девочки, не мог. Увидев своего товарища в опасности, двое других охранников, стоявших поблизости, поспешили на помощь.

Первый из подбежавших нанес женщине несколько ударов по голове. Потеряв сознание, та упала к их ногам, а вместе с ней рухнул и задушенный ею сектант. Это еще белее разозлило чужаков, подстегнув их и без того чрезмерную жестокость и ярость.

Еще какое-то время продолжалось кровопролитное столкновения. Но вскоре израненные местные жители немного отступили, так как уже были не в силах что-либо сделать для спасения своих детей. В эту минуту один из сектантов обратился к остальным своим единомышленникам:

– Братья мои, – произнес он, – настал тот час, когда мы должны завершить нашу священную миссию – предать этих детей огню! И их кровью – кровью невинности в сегодняшний священный для нас день завершить начатое, чтобы смыть грехи людские с земли, на которой живем. Так припадем же коленом к земле и воздадим хвалу Богу Богов. Он видит все наши старания в его честь, знает, как мы верны и преданны ему. Помолимся в честь Бога нашего, и он пошлет нам свое благословение для свершения великого обряда.

После такой речи этот мужчина, по виду самый главный в секте, первым упал на колени и лбом уткнулся в землю. В след за ним это стали делать и остальные. Чужаки по своему молились, то поднимая свой взгляд к небу, то опять ударяясь лбом о землю. «Прими и благослови», – твердили они.

Все это продолжалось около трёх минут, после чего все тот же сектант первым поднялся с колен и продолжил свое обращение к мужчинам из секты.

– Братья мои, – высоко и гордо подняв голову, начал он, – Бог Богов услышал молитвы наши! Он явился ко мне голосом пророка, вложив слова из уст своих в уши мои. Те слова были сказаны мне, чтобы я передал их вам. Явил он мне знаки благодарности и благословение к верному пути. Он ждет святой обряд и непорочную кровь. Так поспешим с началом обряда и отдадим ему этих связанных, что удостоились великой чести – стать избранныками.

После заключительных слов столь внушительной речи главного в секте, несколько мужчин направились к костру, намереваясь воплотить в действие призыв к церемонии сжигания. Поднесенное пламя, взвиваясь вверх, медленно стало охватывать одну доску за другой. И вот уже огромный костер запылал посреди деревни. Отблеск пламени заблестел в глазах матерей, слезы отчаянья и горя покатались по их лицам. Сердца разрывались в груди от самой страшной муки на свете – видеть смерть своих детей и быть бессильным в помощи им. Они вновь и вновь бросались на чужаков, но натывались всякий раз на очередные удары. Те, кого ждал огонь, кричали от страха и бились о руки удерживающих их верёвками сектантов, словно маленькие детеныши, попавшие в капкан.

Спокойными оставались лишь люди из секты. Радостное возбуждение скользило по их лицам. Вот он – тот долгожданный миг, к чему они стремились и за что боролись.

Внезапно, со стороны леса, показался незнакомый старик, своим обликом сразу привлёкший внимание толпившихся. Одет он был в белую одежду из грубого льна. Его седые волосы путаными космами лежали на плечах. Густые брови, подобно снегу, нависали над бледными, словно слепого, глазами, не моргая смотрящего вперед. Весь его облик хранил мрачную печать смерти.

Старик медленно двигался к собравшимся, еле заметно переставляя ноги. Казалось, что он не идёт, а плавно плывет по воздуху. В руках этот странный незнакомец держал несколько мужских рубаш, залитых кровью.

Его появление к этому моменту уже заметили все. Сектанты, испуганные видом старика, застыли на месте. В их глазах мелькнул ужас, лица исказились от страха. Все следили за каждым шагом, малейшим движением старика. Деревенские жители, так же наблюдали за странным стариком. Заметив испуг в глазах сектантов, они переглядывались, не понимая, что происходит.

– В прошлый раз появление этого старика принесло нам потерю наших братьев, – воскликнул один из секты.

– Это дух смерти, – словно продолжая его слова, произнёс другой чужак, – о чьей смерти он пришел нам сегодня сказать?

– Сейчас должны умереть дети, но в его руках кровавые мужские рубашки.

Старик меж тем, все это время медленно, не останавливаясь, продолжал свой путь. Он безмолвно пересек площадь, лишь задержавшись на мгновение, чтобы заглянуть в глаза некоторых сектантов. От такого взгляда, холод пронзал их нутро, словно в ту секунду ледяные и мрачные воды Ахеронты коснулись их тел. Старик же неслышными шагами удалялся прочь. Тут все заметили, как его облик медленно начал таять, словно белый старик был соткан из воздуха, лишенный телесности. Вначале растворились в пространстве его ноги, затем оставшаяся часть туловища также обрела прозрачность.

Поняв, что старик был реальным явлением, призраком беды, посланным силами тьмы в качестве вестника скорой смерти, местные жители принялись суматошно креститься. А лишь только призрачный силуэт растаял в воздухе, внезапно потух костер и со стороны большой дороги послышались крики людей, спешащих к деревне.

– Вы слышите? – обернувшись туда, откуда доносился шум, спросил у остальных один из сектантов, – Откуда эти голоса?

– Судя по шуму – это толпа людей и она быстро движется сюда, – произнес второй из секты.

– Их много, мы должны уходить – это наша, погибель!

– Это идет подмога, помощь к нам, – услышав разговор чужаков, – радостно выкрикнула одна из матерей, – трепещите, ироды! Это о вашей смерти приходил сказать тот старик!

– Что же ваш Бог не благословил вас как надо? А может, и нет его – Бога вашего? – подхватила другая женщина, – Не тому вы поклонялись!

– Заткнитесь, – оборвал их сектант, – вы не имеете право судить Бога нашего. Он очищает землю от всех грехов людей. Благодаря нашему Богу земля станет непорочно чистой.

– Хватит разговоров, мы уходим! – скомандовал по виду главный мужчина из секты.

Взглянув на вершину холма, с которого спускалась большая дорога, ведущая к деревне, все воочию увидели огромную толпу людей, которая спешила на помощь к местным жителям. Это были женщины, и мужчины из ближайших деревень. В их руках были колья и топоры. Появление такой огромной толпы придало новых сил отчаявшимся и обессиленным жителям деревни, и они вновь кинулись на сектантов, толпившимся у потухшего костра. Верёвки, которыми те удерживали детей под напором матерей и детей ослабили. Перепуганные дети вырвались в объятия близких и родных, кто-то из детей вырвавшись на волю, помчался прочь от этого страшного места. Мужская часть населения, не переставая, вновь и вновь вступала в схватку с отступающими сектантами.

– Пошли прочь, – выкрикивали, пытаясь избежать ударов, чужаки.

Они отталкивали местных жителей, мешавших бегству, пытаясь как можно быстрее укрыться от спешащих на подмогу людей. Чужаки старались избежать столкновения с бегущей толпой, что неминуемо привело бы к их гибели. Местное население, всячески препятствовали

их скорому бегству. И вот уже пришедшие на помощь были совсем близко. Сектанты бросились врассыпную, стараясь избежать столкновения ещё и с ними.

Один из молодых и резвых сектантов схватил на бегу попавшую под руку маленькую девочку, и скрылся с ней в лесу. Догнать его и отобрать ребенка не удалось. Но некоторых из сектантов подошедшие на подмогу, все же настигли. Они тут же, не слушая их просьбы о помиловании, учиняли расправу над ними. Но половине сектантов всё-таки удалось скрыться.

Вскоре в месте недавней трагедии стало пустынно и тихо. Местные жители, поблагодарив пришедших на помощь, молчаливо, разошлись по своим домам. Некоторые, чьи родные сегодня пострадали, шли рыдая склонив низко головы. Несколько человек проливали место недавнего костра водой и разгребали не успевшие разгореться доски, ветки и другой деревянный хлам. Толпа пришедших на помощь, постепенно также разошлась, отправившись восвояси. Чужаки-сектанты разбежались все, раненых они также забирали с собой. И больше в тех краях о происках этой секты слышно не было, да и они сами так бесследно и исчезли, а вместе с ними и украденная девочка.

Глава 7

Побег

Шли годы, и вот уже из маленькой нескладной девочки, Адель превратилась в настоящую белокурую красавицу. Ее приемный отец Иван делал все, что было в его силах, лишь бы Адель жилось хорошо и счастливо. Но она ни на минуту не забывала своих родных, частенько прося отца Ивана съездить к ней в деревню, узнать новости. Да только новостей не было. Дом заколотили, а в деревне считали всех членов этой семьи погибшими. Но Иван ничего об этом Адель по-прежнему не рассказывал, отговариваясь, каждый раз одной фразой: «Новостей нет, может быть в следующий раз что-то прояснится».

Сводный брат Адель – Кристиан с первых дней привязался к приёмной сестричке. Он полюбил ее, как родную сестру, которой никогда у него не было. Никому не позволял даже словом напоминать Адель, что она приемная. Взрослея, Кристиан стал понимать, что любит ее гораздо сильнее, чем просто сестру. Ему становилось плохо, когда Адель грустила и радостно, когда та заливалась смехом.

Как-то Адель подарили гитару в день её рождения, и с тех пор она с ней ни на минуту не расставалась. Нотная грамота, как и предметы в школе давались ей легко, а звонким голосом она была наделена с рождения. Частенько, взяв гитару, набрав картошки и хлеба, Адель и Кристиан уходили в лес, к небольшому озеру, где у костра проводили целый день до вечера. Они запекали картошку в углях, ломтики хлеба нанизывали на прутики, обжаривая их над костром. Иногда они брали с собой ещё кусочки грудинки, которую также любили коптить над углями. Это были их лучшие деликатесы на таких пикниках.

– Кристиан, – отложив в сторону гитару, как-то спросила Адель, – а ты мог бы ради меня рискнуть своей жизнью?

– Ты меня обижаешь, – ответил он, – не только могу, но и с удовольствием сделаю это. А зачем тебе?

– А убежать со мной из дома ты решился бы?

– Убежать?! Тебе плохо с нами живется? – не понял Кристиан, – Ты только скажи, что не так, я все сделаю ради тебя. А если кто обидит – разберусь и с ним.

Адель в ответ только улыбнулась, не сказав больше ни слова о побеге из дома. И беседа их плавно перетекла совершенно в другое направление.

Про оброненную Адель фразу о побеге, Кристиан вскоре и вовсе забыл, да и не придал в тот раз её словам никакого значения.

Прошёл месяц. Адель сидела на траве на заднем дворе дома, притянув к себе колени и обвив их руками и своими белокурыми локонами. Взгляд ее был устремлен далеко вперед. Туда, за линию горизонта, где была неведомая ей земля, незнакомые люди, места, манящие своей таинственностью и надеждами. Кристиан тихо подошел сзади к Адель и опустил руки ей на плечи. От неожиданности и застигнутая врасплох, она вздрогнула. Это прикосновение в доли секунд вернуло ее из мира грез в тот мир, который являлся для нее реальностью. И этот реальный мир всё ещё был наполнен разрывавшими сердце тяжкими воспоминаниями далёкого детства. Новая семья, каким бы вниманием и заботой не окружала Адель, но всё же так и не стала для неё родной. Адель не переставала жить, хотя бы мысленно в кругу своей родной и единственной семьи.

Раньше, глядя в безоблачную даль, она ждала, что вот-вот на горизонте увидит силуэт своего отца, который идёт, чтобы забрать домой свою Адель. С годами эти надежды стали угасать, превращаясь в крохотную искорку, всё ещё согревающую её сокровенные мечты, но терзающие душу.

– Я уже перестал теряться в догадках: где найти тебя, когда утром не вижу мою Адель в доме, – произнёс Кристиан и сел рядом с ней на траву, – я знаю, ты всё ждёшь своих близких, я не раз замечал, как вздрагивает твоё тело при виде далёкого силуэта на дороге, чувствовал, как в ожидании чуда начинает учащённо биться твоё сердце. Но потом, Адель, глаза твои гасли и ты ходила весь день мрачнее тучи. Сколько лет прошло, а ты всё не смирилась с потерей близких.

– Нет, не смирилась и не смирюсь никогда. Но ждать я больше не буду! – с уверенностью произнесла Адель.

– Что означают твои слова?

– Не переживай за меня, Кристиан. Сегодня я приняла решение и менять его не буду. Я чувствую свою вину и должна это сделать.

– Вину? – удивился Кристиан, – Какую вину, о чём ты говоришь? Что ты намерена сделать?

– Я собираюсь отправиться в дорогу на поиски сестёр, отца, матери. Так дальше жить, не выносимо. Мне уже исполнилось девятнадцать, я стала взрослой, да и отец тогда говорил, что в моё двадцатилетние мы сможем узнать тайну наших браслетов. Так что времени на поиски у меня остаётся только один год. Да и к тому же я так тоскую по потерянной любви родных для меня людей.

– А как же я, моя любовь к тебе? – удивлённо вскрикнул Кристиан.

– Пока, мой дорогой Кристиан я не могу позволить себе любить тебя больше чем брата.

– Тоска превратила твоё сердце в лёд! – с горечью произнёс Кристиан, – Но сколько ещё должно пройти времени, чтобы растаяли ледяные стены, которыми ты окружила себя. Сколько? Год, два, десять? А может всю жизнь? Ты словно в плену, Адель! Позволь мне освободить тебя из этого заключения. Твои мысли, грусть разрушают тебя.

– Не злись, Кристиан, я обещаю тебе, что в тот день, когда я разыщу своих близких, первое, о ком я вспомню, так это о тебе и обязательно вернусь за тобой.

– Вернешься за мной? – от возмущения Кристиан вскочил на ноги, – Я не позволю тебе уехать!

– Я должна это сделать, мне надо самой ехать на поиски. Да и к тому же с моим браслетом стали происходить странные вещи. Стрелочка на браслете начала крутиться, чего не было раньше. И где бы я не находилась, как бы не повернулась, она всегда показывает в одну и ту же сторону, словно зовёт меня пойти туда. Думаю, это знак, что пришло время отправляться в путь.

– Всё может быть, но в любом случае, Адель, я не позволю тебе уехать одной. Разреши мне хотя бы сопровождать тебя в дороге, оберегать как сокровище, делить счастье, когда ты найдёшь хоть одну из сестёр и горе разочарования, если этого вдруг не произойдёт. Позволь мне помогать, оберегать и поддерживать тебя в поисках.

Адель хотела что-то сказать, но вместо этого громко рассмеялась. В её глазах блеснул, так редко появлявшийся, лучик радости.

– А ты прав, мой верный Кристя, кто будет охранять в дороге моё сердце и дорогой браслет!?

– Не зови меня Кристя, я чувствую себя крысой в этот момент. Что за прозвище ты мне вдруг дала?

– Не хочешь быть моим маленьким крысёнком, – всё ещё смеясь, шутливо продолжила Адель, – буду звать тебя Стин – так короче и как звучит! Стин – личный охранник Адель!

– Я счастлив Адель оттого, что вижу улыбку на твоих губах, ты снова шутишь, как прежде.

– Это решение изменить свою жизнь и пойти навстречу мечте – вернуло мне радость. Словно камень начал сваливаться с моей души.

– Камень? – переспросил Кристиан, – Ты опять говоришь загадками. То ты говоришь о какой-то своей вине, а теперь о камне на душе.

– Этот камень у меня на сердце оттого, что я чувствую вину за всё, что случилось с моими бедными сёстрами много лет назад.

– Адель, о чём ты говоришь? Какая вина может лежать на девятилетней девочке, по моему, столько тебе было лет, когда произошла та страшная трагедия?

– Да, Кристиан – мне было девять, Эвелине пять, а маленькой Бернадетте всего четыре года. Я старшая из всех моих сестёр, мне надо было увести их подальше, через огороды, в лес. Надо было спрятать моих бедных сестричек. Ты понимаешь, Кристиан, вместо того, чтобы их спасти, уберечь, я спасалась сама – трусливо укрывшись в телеге.

– Постой, Адель, ты не должна себя корить за то, что было в детстве. Ты же была ребенком, и детский испуг был сильнее тебя.

– Не знаю, но иногда я чувствую такую вину за собой, что мне становится невыносимо жить.

– Тогда искупи свою вину поисками и если судьбе или провидению будет угодно вернуть тебе твоих сестричек – значит, никакой вины и нет в помине, просто в вашу судьбу вмешался злой рок и только он в ответе за случившееся.

– Наверное, ты прав, Кристиан.

Адель поднялась на ноги и подала руку другу.

– Пойдём домой, поздно уже, – нежно произнесла она.

– Постой, Адель, а когда мы отправимся в путь?

– Завтра! – не задумываясь, ответила та.

– Как завтра? А сборы? Надо с родителями поговорить, да много чего надо.

– Никаких разговоров, – твёрдо заявила Адель, – мы устроим побег. В дорогу возьмём хлеб, воду и гитару. А там, на еду – кто подаст. А где и сами заработаем.

– Но такие решения так не принимаются, – пытался возразить Кристиан.

– Такие решения только так и принимаются! – стояла на своём Адель.

По дороге к дому они обсудили последние мелочи, назначили час и условились дома даже шёпотом об этом не говорить, а утром записку на стол и в путь.

Всю ночь Адель пролежала в своей постели, не сомкнув глаз и смотрела через раскрытые шторы в распахнутое окно. Она представляла себе их путешествие и ждала, когда же первое просветление появится на небосводе, когда же наступит тот долгожданный миг и она вступит на дорогу, ведущую в новую жизнь. Кристиан, в отличие от неё, лежал в своей постели и терзался сомнениями: правильно ли он поступает, что поддерживает Адель. Не подстерегают ли их в дороге новые неприятности и разочарования. Кристиан, как и Адель пролежал всю ночь, не сомкнув глаз, но не из-за того, что не мог дожждаться условленного часа. Он очень боялся, что Адель встанет раньше, пройдёт по коридору и уйдёт одна, а он проспиг этот момент и потеряет Адель навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.